

**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ОБРАЗА СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО
В «НЕОАГИОГРАФИИ» КОНЦА XX ВЕКА**

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dmitriybychkov@list

Статья посвящена выявлению индивидуально-авторских интенций, закрепленных за образом святого Сергия Радонежского в произведениях русских писателей конца XX в. Делается вывод о когнитивно-дискурсивном потенциале имени святого. Характеризуются первичный и вторичный типы авторской интенциональности. В аспекте проблемы автора анализируется поэтика очерка Ю.М. Лопцица «На полях жития» и исторического романа Д.М. Балашова «Похвала Сергию».

Ключевые слова: интенциональность (интенция), агиография, авторская позиция, имя собственное, агионим, исторический роман, историсофия

**INTENTIONALITY IMAGE SERGIUS OF RADONEZH
IN «NEOAGIOGRAPHY» LATE TWENTIETH CENTURY**

Bychkov Dmitriy M., Ph.D. (Philology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatischev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dmitriybychkov@list

The article is devoted to the identification of individual copyright intentions embodied in the image of St. Sergius of Radonezh in the works of Russian writers of the twentieth century end. It is concluded that cognitive-discursive potential name of a saint. Characterized by primary and secondary types of author intentionality. In terms of the problem's essay analyzes the poetics Y.M. Loschits «In the fields of lives» and the historical novel D.M. Balashov «Praise Sergius».

Keywords: intentionality (intention), hagiography, the author's position, proper name, Aghion, historical romance, historical philosophy

Агиографическая традиция в русской литературе имеет репрезентативное значение для понимания национального своеобразия отечественной культуры и истории словесности как ее неотъемлемой части. Когнитивно-дискурсивные свойства агиографии определяются ментальностью древнерусского автора и интенциональным признаком его креативного сознания, не способного, по Д.С. Лихачеву, к порождению художественного вымысла, а потому являющегося «сознанием о чем-либо». Даже при отсутствии реальных или идеальных предметов сознание агиографа всегда имеет то или иное содержание, которое «мнится» сознанием. Эту когнитивно-дискурсивную особенность агиографии вслед за классиками феноменологии и аналитической философии можно назвать художественной интенциональностью.

Интенции по отношению к образам святых не оставались неизменными и в эпоху Средневековья, когда жанр житийного прославления достиг своего расцвета. При всей устойчивости когнитивно-дискурсивной модели жития, агиография Средневековья отразила важнейшие сдвиги в сфере религиозного сознания и духовных исканий. Они нашли выражение как в появлении новых типов святых и концепций святости, так и во включении новых мотивов в рамки репрезентации традиционных агиографических моделей. Как справедливо считает М.Ю. Парамонова, в поздней христианской литературе усилился «психологизм» репрезентации образа святого, фокус изображения с дел и достоинств святого переносится на характеристику его интенций [16, с. 27].

В истории русской культуры ментальная разница в рецепции феномена святости между средневековыми авторами и представителями Нового времени определила особенно заметные изменения интенций в понимании образа святого Сергия Радонежского.

Эволюция интенциональности, нашедшей отражение в древнерусской агиографии, привела в секулярной культуре к распространению инструменталистской интенциональной позиции, предполагающей так сконструированные интенциональные выражения, которые не описывают реальных феноменов (Д. Деннет), но оказываются полезными для понимания особого отношения между сознанием, языком и миром при отсутствии точного знания законов, управляющих корреляцией.

Отчасти такая интенциональность была свойственна В.О. Ключевскому. Еще в XIX в. выдающийся историк, анализируя житийные сочинения и обращая к ним внимание научного сообщества, в известном исследовании «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871) сформулировал историографический подход к аутентичному житийному тексту как своеобразному отражению реалий русской истории. В.О. Ключевский создал инвариантную концепцию святости, основанную на логической очевидности положений и исторических фактов, что привело его на очередной ступени научного творчества к «энергичным поискам визуализации, способов образной обработки возникающих идей» и образов [17, с. 656]. В результате научных штудий историк пришел к поразительному выводу: древнерусское житие лишено непреложных исторических фактов. В.О. Ключевский при этом подчеркнул особый статус древнерусской агиографии как целостного корпуса произведений о «нравственной силе» русского народа [10, с. 7], акцентировав тем самым непреходящий смысл житийной словесности, приобретающей актуальные свойства в контексте русской культуры. Этот духовно-нравственный потенциал составляет идейно-художественную основу известных средневековых житийных текстов, а также современных художественных произведений, созданных по принципам агиографического жанрового канона. В этой связи необходимо отметить, что в некоторых из них на метатекстуальном уровне (то есть в плане скрытых авторских комментариев и в системе часто критических ссылок на предтексты) проявляется художественная репрезентация концепции В.О. Ключевского, что важно учитывать, на наш взгляд, при анализе и интерпретации метатекстуальности подобных произведений. Интуитивно-образное измерение образа святого, свойственное исследователю в процессе создания абстрактной научной теории, оказывается в некотором плане чувственно-образной представимости писателя в процессе визуализации и вербализации [17, с. 655] интенциональности образа святого.

Включение в рецептивное поле отдельных художественных произведений конца XX в., ориентированных на агиографическую традицию, интенций, восходящих к концепции В.О. Ключевского, отчасти объясняется интенсификацией практически одновременного переиздания жития Сергия Радонежского и трудов историка в 1991 и 1992 гг., когда отмечалось 600-летие со дня кончины Преподобного Сергия [1, 8, 13, 14, 15].

В новом социокультурном и политическом контексте имя Радонежского приобрело особые интенции (первичные и вторичные), особенно заметные, например, в дискурсе публичных выступлений на церемонии инаугурации президента Б.Н. Ельцина. В подготовленном спиче О.В. Басилашвили за именем Сергия Радонежского закрепились политические интенции. О.В. Басилашвили, подчеркнув государственную важность торжественного мероприятия, концептуально связал в своей речи факт вступления в должность Б.Н. Ельцина с рубежными моментами русской истории: «Через несколько минут первый Президент Российской Федерации даст присягу на верность народу, свободно избравшему его, и официально вступит в должность. Зарождение отечественной государственности восходит еще ко временам Киевской Руси, ставшей колыбелью трех братских славянских народов: русского, украинского и белорусского, ко временам князя Владимира Святого, когда Русь приняла христианство. Прошли столетия. Это было непростое время: невзгоды, иноземные захватчики, войны, усобицы, брато-

убийственные распри. Однако существовала и осознанная потребность к единству, выраженная в деятельности Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Идея государственности, сплочения нашла свое выражение уже в другом центре, в Москве» [9]. Заметим, что факт даже единичного употребления агионима характеризует когнитивно-дискурсивное пространство коммуникации, поскольку имя святого в контексте (в данном случае в контексте речевого события инаугурации) выражает, согласно У. Оккам, интенцию второго порядка, другими словами, номинирует вторичный смысл, вытекающий не из самой вещи, но из акта мышления. У. Оккам определял вторичные интенции как имена, выражающие простой контекстуальный объем, предметом которого являются общие понятия [19, с. 254].

В этом контексте интенционально противоположное значение приобрело имя Сергия Радонежского в выступлении Патриарха Алексия II, присутствующего также на инаугурации, который назвал преподобного Сергия «великим подвижником и патриотом Земли Русской». В данной парафрастической номинации Сергия Радонежского словесно объективирована «первая интенция», представляющая первичный смысл понимания. Святой как объект рассматривается в настоящем дискурсе в соответствии с первичным смыслом, то есть в соответствии с тем, что свойственно только ему. «Первая интенция» происходит путем сложного мыслительного акта, посредством которого может быть познана некоторая истина. По Д. Скоту, первичная интенция направляет внимание на определенные объекты конкретной человеческой деятельности. У. Оккам определил первую интенции как имена, выполняющие роль суппозиций, замещающих имена сущих вещей, которые могут быть субъектами или предикатами суждений [19, с. 254].

Данный пример, как видим, особенно показателен тем, что продемонстрировал разницу интенций, закрепленных за одним и тем же агионимом, что характеризует когнитивно-дискурсивное пространство коммуникации конца XX в. Подобная демаркация интенциональности в восприятии образа Сергия Радонежского характерна и для «неоагиографии» этого времени, при этом изменению подверглось не только интенции образа святого, трансформировалась семантика житийного текста в процессе авторской герменевтики агиографического предтекста.

Одним из первых в ряду авторов, решивших в изменяющемся культурном контексте конца XX в. обратиться к задаче реинтерпретации жития святого Сергия Радонежского, был Ю.М. Лошиц, автор очерка «На полях жития». В главе с принципиально важным для авторской концепции названием «Сергий-державник» писатель-«неоагиограф» спорит с устоявшимся мнением о Сергии Радонежском, передает мысли большинства читателей, не способных к пониманию многогранности образа святого и различных аспектов его деятельности: «Многих смущает, даже коробит, когда Троицкого игумена называют в иных современных текстах «политиком», «идеологом», а то и «дипломатом» [13, с. 112]. Автор очерка постулирует собственное соображение, основываясь в своей контраргументации на принципе историзма, свойственного мышлению профессионального историка: «Ясно, что не устраивает нас в этих определениях применительно к преподобному Сергию. Воля монаха, благословившего русское воинство на противостояние орде Мамай, есть всё же нечто иное, чем поступок политика, идеолога или дипломата. Как бы не впечатлял современников и потомков сам факт церковного благословения на жестокою кровавую брань, в нём нет по сути ничего чрезвычайного. Русская церковь неоднократно, и до, и после Сергия, укрепляла своим словом воинское стояние за Отечество и не покушалась при этом на политику» [13, с. 112–113]. Ю.М. Лошиц в очерке «На полях жития» пытается выйти за герменевтические пределы инструменталистской интенциональности. В историософских размышлениях писателя проявляется знаковая особенность стиля данного произведения – насыщенность текста вводными словами (метатекстовыми операторами) типа «думаю», «помню» и т.п., что создаёт иллюзию сиюминутного размышления, выходящего за рамки осмысления предтекста. Таким обра-

зом в дискурсе «неоагиографии» выражается лингвистический вариант интенциональности (Р. Чизольм): критерием интенциональности в языке является свойство выражений, следующих за фразами типа «он убежден, что».

Индивидуально-авторская интенциональность образа Сергия Радонежского в контексте эпохи конца XX в. связана с рефлексией на историософскую тему взаимоотношения святости и власти, как отражающую проблему церкви и государства. Ссылаясь на В.О. Ключевского, религиозный философ С.Л. Франк заметил, что «наши политики любят из всего дела св. Сергия Радонежского с одобрением отмечать, что он благословил рать Дмитрия Донского и дал ей двух монахов из своей обители, они забывают, что этому предшествовали десятилетия упорного молитвенного и аскетического труда, что *этим* трудом были добыты духовные богатства, которыми в течение веков и доселе питаются русские люди, и что без него, как указывает пронизательный русский истории Ключевский, русские люди никогда не имели бы сил подняться на борьбу с татарами. Мы рвемся воевать со злом, организовать нашу жизнь, делать настоящее, «практическое дело»; и мы забываем, что для этого нужны прежде всего силы добра, которые нужно уметь взрастить в себе» [18, с. 111]. Звучащие с публицистической злободневностью эти мысли С.Л. Франка, думается, в полной мере соответствуют концепции Ю. Лошица.

Оригинально интенциональность образа Сергия Радонежского нашла отражение в исторических романах Д.М. Балашова [3]. Эволюция агиографической традиции в творчестве писателя обусловлена становлением его историософии, восходящей во многом не только к теории этногенеза Л.Н. Гумилева, но и к размышлениям В.О. Ключевского, который считал, что «в половине XVI в. подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет» [11, с. 114]. В образе Радонежского Д.М. Балашов как историк выделяет функции пассионарной личности, ориентируясь во многом на теорию своего учителя Л.Н. Гумилева.

Исторические романы Д.М. Балашова организовывали ансамблевое единство художественных текстов, создававшихся писателем в соответствии с хронологией российской истории, и последним романом в творческой биографии автора становится произведение, посвященное святому, осевшему XVI в., по образному выражению В.О. Ключевского, «зарей политического и нравственного возрождения Русской земли» [11, с. 115] Писатель-историк показывает, как в своем становлении Сергей вбирает в себя всю жизнь народа и в жизненном пути поднимается на высоту духовного подъема ради русского народа. Временной отрезок русской истории, изображаемый в произведениях Д.М. Балашова – конец XIII – начало XV вв. – важнейший период в создании и укреплении Московского государства, период национального подъема. Последний роман цикла показывает, какое значение для процесса становления государственности имеет деятельность святого подвижника.

С позицией В.О. Ключевского (в его работе – чисто историографической) в отношении к житию Сергия Радонежского Д.М. Балашова сближает особое внимание к выверенности хронологической канвы жизни и исторических событий эпохи. В.О. Ключевский с источниковедческой точки зрения обратил внимание, что житие Радонежского «богаче фактическим содержанием в сравнении с другим произведением Епифания и сообщает гораздо больше живых черт, возможных со стороны современника» [10, с. 87], однако, не лишено фактических неточностей и временных лакун, свойственных агиографической поэтике. Данное обстоятельство связано с особенностями функционирования рукописного текста, неясностью хронологических указаний агиографа, ошибками писцов и т.п. Формульный характер носят фразы: «боле или менши, не веде, Бог весть», «довольна времени и лета в лесе оном пустынном мужскы пребываше» [10, с. 92]. Одной из причин непроясненности датировки, связи фактов (а не

их сущности) в житии Епифания В.О. Ключевский считает «его витийство», которое «не знает границ и часто подавляет фактическое содержание» [10, с. 95]. Сопоставляя данные из разных (не всегда достоверных) источников, историк пытается вычислить дату рождения Сергия, связанную в некоторых источниках с нашествием Ахмыла, переселения семьи Варфоломея с другими ростовцами в Радонеж и его причины, начала братского общежития, хронологию главнейших событий в истории Троицкого монастыря, и мн.др. [10, с. 87–94].

Таким образом, агиографический дискурс выражает историософские интенции автора. Хронологическая парадигма изложения событий в историко-биографическом романе Д.М.Балашова задается основными датами жизни главного героя, изложенными в «Житии», написанном Епифанием Премудрым, и историческими событиями эпохи. Текст древнерусского агиографа образует документальную платформу в модификации. Автора не может удовлетворить пространное указание Епифания, построенное по хронологическим измерениям, традиционно принятым в древнерусском литературном каноне: «Хочу также сказать о времени и годе, когда преподобный родился: в годы правления благочестивого, славного и державного царя Анроника, самодержца греческого, который царствовал в Царьграде, при архиепископе Константинополя Калисте, патриархе вселенском; родился от в земле Русской, в годы княжения великого князя тверского Дмитрия Михайловича, при архиепископе преосвященном Петре, митрополите всея Руси, когда приходило войско Ахмыла» [8, с. 21].

Исторический роман как жанр, способный реализовать историософские интенции автора, воплощает, как известно, вымышленную художественную реальность, в которой в соответствии с авторским замыслом действуют исторические и вымышленные персонажи, поэтому агиографический дискурс не исключает художественного вымысла в отличие от аутентичных средневековых житий. Авторское отношение к второстепенным персонажам в системе образов романа так или иначе высвечивает интенции по отношению к главному герою, достоверно существовавшему в свое время историческому лицу. При этом интенциональность образа святого основывается все-таки на субъективной направленности авторского и читательского сознания, поскольку интенциональность как свойство человеческого сознания быть направленным на некоторый объект отображает заинтересованность в рассмотрении именно конкретного объекта, а не рядоположенных. В этом плане роман Д.М. Балашова, ориентированный на агиографический предтекст, наделен основными конституциональными особенностями исторического повествования. Анализируя древнерусские жития, В.О. Ключевский заметил, что «недостаток биографических сведений, при уверенности в литературном искусстве, никогда не останавливал древнерусского писателя» [10, с. 353]. Исследователь связывал данное обстоятельство поэтики житийного жанра с канонической ее природой. С позиции историка, рассматривая биографическое содержание житий, выраженное в «искусственной агиобиографии», В.О. Ключевский заявлял: «Как бы ни было житие богато живыми подробностями, оно не удовлетворит историка» [10, с. 354]. Прием, который позволяет внести ноту естественности в «агиобиографическое» повествование, – введение в систему образов и именование большого количества вымышленных персонажей, – используется Д.М. Балашовым для того, чтобы избежать фактических недостатков, наполнивших древнерусскую житийную литературу, о которых писал в свое время В.О. Ключевский. Этот прием – закономерная особенность исторического романа Д.М. Балашова. Поэтому авторская рецепция агиографического предтекста в «Похвале Сергии» имеет творческий характер и обусловлена дискурсом исторического романа.

В системе образов жития Сергия, сочиненного Епифанием, присутствуют безымянные герои (собственными именами названы только реальные исторические деятели): «поим с собою единого от братии», «некто христолюбец» [8, с. 61–62] и т.п. перифразы личных имен людей. Подобные описательные конструкции отвечают главному принципу идеациональной (П.А. Сорокин) поэтики канонического жанра – абстрагированию: «Эти прибавления – «некий», «некая», «един» – служат изъятию явлений из

окружающей бытовой обстановки, из конкретного исторического окружения» [12, с. 125]. Именование и лаконичная характеристика второстепенных персонажей делает роман Д.М. Балашова «густонаселенным», «живым», «оживляет» восприятие читателя, но, думается, главный эффект этого приема – показ святого в тесной связи в быту с людьми, с миром в режиме «реального времени», в достоверном контексте повседневной жизни отдаленной от читателя эпохи. Следовательно в интенциональности Д.М. Балашова как направленности на объект присутствует «субъективная компонента», то есть отражение переживания, проживания акта созерцания.

Интенциональность в романе Д.М. Балашова представляет сложное единство референтной компетенции дискурса (направленности взаимодействующих сознаний на некоторый объект), креативной интенциональности (направленности на используемый язык и рецептивной (или собственно коммуникативной) интенциональности. Так, кроме функции катализатора исторической и социально-культурной информации в концепции агиографического жанра Д.М. Балашова житийный текст становится объектом историософских размышлений, что также связано со спецификой авторской рецепции. Агиографический памятник включается в контекст истории (отсюда – бытовые детали, диалектизмы) и нашей современности (публицистические высказывания в тексте), что позволяет автору-историку выявить константы русской культуры, исторические принципы национального бытия. При этом специфика рецепции агиографии Д.М. Балашовым представлена не в отдельных фрагментах текста, а во всем концептуальном объеме исторического романа, прямых авторских высказываниях, рецепции житийной дискурсии, во внутренней организации агиографического дискурса, а также во всем сюжетно-композиционном строе произведения.

Обратимся к выражению креативной интенциональности в «Похвале Сергию». Вся система стиливых особенностей агиографической традиции, потенциал которой использует писатель в романе в соответствии с риторичностью житийного жанра, при этом не заслоняет от современного читателя информативности авторского повествования. Информативность образцового для произведений жанра агиографии сочинения Епифания, по В.О. Ключевскому, обусловлена позицией рассказчика: «Житие Сергия не чуждо литературных особенностей <...>: то же неуменье рассказывать кратко и ясно, та же склонность вставлять в рассказ длинный ряд текстов и вдаваться в историческое или символическое толкование событий. Но это житие, говоря вообще, богаче фактическим содержанием Епифания и сообщает гораздо больше живых черт, возможных со стороны современника. Это объясняется многолетней жизнью автора на глазах Сергия, близким знакомством его с местом описываемых событий <...>, обилием живых свидетельств жизни святого. Не лишены интереса рассеянные в предисловии к житию заметки Епифания о том, как писалась эта биография. Многие он сам видел и слышал от Сергия...» [10, с. 87]. «Точка зрения» Епифания (в плане психологии, фразеологии и др.) задает в житии стиливое направление повествования. Этот принцип необходимо соблюсти и «неоагиографу». Таким образом, интенциональность образа Радонежского в «Похвале Сергию» вбирает в один фокус интенции автора оригинального романа и древнерусского агиографа.

Психология творчества «неоагиографа» базируется на установке на интерпретацию действий «Другого», интенциональную позицию которого присваивает или не принимает субъект в процессе творчества. Как таковая, проблема «Другого» перед «неоагиографом» возникает в каждом контексте производного дискурса, то есть конструируемого как «пересказ» агиографического предтекста. Современный писатель, ориентирующийся на традиции агиографии, отталкивается от интуитивно-субъективного понимания или, как в творчестве Д.М. Балашова, исторического исследования жизни конкретного сознания, независимо от того, имеет ли это постижение феноменологический характер. В каждом конкретном случае создания художественного варианта жития у читателя, исследователя, думается, и самого писателя возникает закономерный вопрос о том, имеет ли полученный результат какое-либо объективное значение,

в том смысле, что оно составляет содержание универсального опыта, оказывается ли преодолена инструменталистская интенциональность.

Существенное значение для художественного воплощения объекта интенций (в нашем случае – святого персонажа) в художественном мышлении творческого субъекта (писателя) должна быть реализована интенциональная установка, у которой могут быть альтернативы (Д. Денет). Интенциональная установка Д.М. Балашова ориентирована на частичное сохранение агиографического стиля. В нарратологической системе романа обозначается соприсутствие двух «точек зрения» – вымышленного лица (его прототипом можно считать Епифания Премудрого), рассказчика – современника святого, и собственно повествователя (историка, человека XX в.), речь которого осложнена цитацией.

Интенциональная установка современного писателя не может быть реализована без решения ряда вопросов эстетического характера, связанных с креативной интенциональностью. В.О. Ключевский отмечал такие свойства агиографической литературы, которые снижали ее информативность, видя в ораторской по характеру агиографической стилистике, прежде всего, недостаток древнерусской письменности такого рода: «В Епифании, как писателе, встречаем два условия, которые редко соединились в наших позднейших агиобиографах: он обладал литературным талантом, вооруженным общей начитанностью, и был близким свидетелем событий, которые описывал, или знал их из верных источников. Притом в его литературном положении была особенность, не существовавшая позднее: он писал в то время, когда стиль житий у нас только еще устанавливался, не затвердев в неподвижных, холодных формах. Поэтому его витийство не знает границ и часто подавляет фактическое содержание <...> Сущность фактов у Епифания пострадала от ораторской окраски очень мало, меньше, чем в большинстве позднейших житий, но сильно потерпели их связь и ясность» [10, с. 95].

Очевидно, что проблема ясности изложения занимала и самого Епифания. С попыткой ее решения и естественной невозможностью описать святого персонажа связаны риторические вопросы, обнажающие непосредственность авторского голоса, эмоциональность агиографа, постигающего феномен святости как чуда: «Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыне? Невозможно нам рассказать <...> как ясно написать об уединении святого, и дерзании, и стенаниях, и о постоянных молитвах, которые он всегда к богу обращал; кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стенания без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь – того не было» [15, с. 37].

Анализ авторских интенций в структуре художественного образа Сергия Радонежского позволяет по-новому решать проблему различия между предметом изображения и его индивидуальным интенциональным содержанием. При этом стоит подчеркнуть, что проблема автора в литературоведении может коррелировать с гуссерлевской концепцией сознания, согласно которой интенциональность не зависит от объекта, на который направлен этот акт, но обусловлена целым рядом факультативных данных широкого ментального содержания, то есть разные версии «экстернализма», согласно которым внешние факторы или социальные факторы сущностным образом участвуют в конституировании интенций [2, с. 53]. Из версии экстернализма вытекает ряд следствий, важных для анализа метатекстуальности «неоагиографии». Когнитивное содержание нерелевантно, при анализе художественного произведения отсутствует возможность непосредственного доступа к художественному несубстанциональному сознанию автора.

Вместе с тем можно сделать и более конкретные выводы. На метатекстуальном уровне «неоагиографически» произведений проясняются первичные и вторичные интенции в отношении к святому. Индивидуально-авторская интенциональность образа святого связана с актуальными историческими размышлениями писателей с учетом

опыта В.О. Ключевского. «Неоагиография» в контексте социокультурных и политических изменений конца XX столетия репрезентировала оригинальные авторские интенции образа святого Сергия Радонежского, что связано с преодолением инструменталистской интенциональности, модификацией когнитивно-дискурсивной модели житийного предтекста [4–7], отличающейся в современной русской прозе субъективностью интенций, синтезом интуитивно-образных и чувственно-образных интенций (в терминологии П.А. Сорокина – идеационального и чувственного типов мышления), креативной компетенцией. Эти качества агиографического дискурса, на наш взгляд, обусловлены обретением «нового религиозного сознания» эпохи «Нового Средневековья» (Н.А. Бердяев), что нуждается, на наш взгляд, в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Антонов М. Всеми миру свет: (обзор литературы, выпущенной к 600-летию со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского) / М. Антонов // Журнал Московской патриархии. – 1993. – № 5. – С. 107–111.
2. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки: критический анализ / В. У. Бабушкин. – Москва : Наука, 1985. – С. 13–188.
3. Балашов Д. М. Похвала Сергию: исторический роман / Д. М. Балашов. – Москва : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 842 с.
4. Бычков Д. М. Агиографический дискурс в современной русской прозе : монография / Д. М. Бычков. – Астрахань : Астраханский государственный технический университет, 2014. – 204 р.
5. Бычков Д. М. О жанровой идентификации *портрета* «Сергий Радонежский» в цикле Ю. Н. Куранова «Пересечение граней» / Д. М. Бычков // Жанры в историко-литературном процессе: сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2008. – Вып. 4. – С. 247–255.
6. Бычков Д. М. Символика света в романах Д. М. Балашова о Сергии Радонежском / Д. М. Бычков // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя : материалы Международной заочной научной конференции. – Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2010. – С. 227–231.
7. Бычков Д. М. Современная житийная проза о Сергии Радонежском в аспекте агиографической элитологии / Д. М. Бычков // Вестник элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах астраханского элитологического сообщества (коллективная монография). – 2006. – Т. 5. – С. 35–41.
8. Жизнь и житие Сергия Радонежского. – Москва : Советская Россия, 1991. – 366 с.
9. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 тт. / под ред. О. Г. Румянцев. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – Т. 2: 1991 год. – 1120 с.
10. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – Москва : Астрель: АСТ, 2003. – 395 с.
11. Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства / В. О. Ключевский // Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. – Москва : Эксмо, 2007. – 480 с.
12. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1979. – 352 с.
13. Лощиц Ю. На полях жития / Ю. Лощиц // Русский рубеж: По страницам «Литературной России»: Рассказы, стихотворения, статьи. – Москва : Художественная литература, 1991. – С. 102–115.
14. Рогачевский Е. Сергий Радонежский: взгляд из 1991 года / Е. Рогачевский // Литературное обозрение. – 1992. – № 5/6. – С. 77–79.
15. Сергий Радонежский : сборник / сост. В. А. Десятников. – Москва : Патриот, 1991. – 541 с.
16. Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2003. – 631 с.
17. Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 731 с.
18. Франк С. Л. С нами Бог / С. Л. Франк. – Москва : АСТ, 2003. – 750 с.

19. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

References

1. Antonov M. Vsemu miru svet: (obzor literatury, vyshedshey k 600-letiyu so dnya prestavleniya Prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo) [The whole world the light: (literature review, published for the 600th anniversary of the repose of St. Sergius of Radonezh)]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1993, no. 5, pp. 107–111.
2. Babushkin V. U. *Fenomenologicheskaya filosofiya nauki: kriticheskiy analiz* [The phenomenological philosophy of science: a critical analysis], Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 13–188.
3. Balashov D. M. *Pokhvala Sergiyu: istoricheskiy roman* [Praise Sergius: a historical novel], Moscow, Astrel: AST: Khranitel Publ., 2007. 842 p.
4. Bychkov D. M. *Agiograficheskiy diskurs v sovremennoy russkoy proze* [The hagiographic discourse in modern Russian prose], Astrakhan, Astrakhan State Technical University Publ. House, 2014. 204 p.
5. Bychkov D. M. O zhanrovoy identifikatsii portreta «Sergiy Radonezhskiy» v tsikle Yu. N. Kuranova «Peresechenie graney» [About genre identification portrait "Sergius of Radonezh" cycle N. Kuranova "Crossing faces"]. *Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse* [Genres in the historical and literary process], Saint-Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ. House, 2008, issue 4, pp. 247–255.
6. Bychkov D. M. Simvolika sveta v romanakh D. M. Balashova o Sergii Radonezhskom [Heraldry light novels DM Balashov's Sergius of Radonezh]. *Arkhetipy, mifologemy, simvoly v khudozhestvennoy kartine mira pisatelya : materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii* [Archetypes, myths, symbols in an artistic picture of the world of the writer: Proceedings of the International Conference correspondence], Astrakhan, Astrakhan University Publ. House, 2010, pp. 227–231.
7. Bychkov D. M. Sovremennaya zhitiynaya proza o Sergii Radonezhskom v aspekte agiograficheskoy elitologii [Contemporary hagiographic prose of Sergius of Radonezh in the aspect of hagiographic elitology]. *Vestnik elitologii: filosofiya, kultura, politika. Yezhegodnyy almanakh astrakhanskogo elitologicheskogo soobshchestva (kollektivnaya monografiya)* [Bulletin of the Elitology: Philosophy, Culture, and Politics. Annual Almanac of the Astrakhan Elitology Community (collective monograph)], 2006, vol. 5, pp. 35–41.
8. *Zhizn i zhitie Sergiya Radonezhskogo* [Life and the Life of St. Sergius of Radonezh], Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. 366 p.
9. Rumyantsev O. G. (ed.) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.)* [From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcript, materials, documents (1990–1993 gg.)], Moscow, Volters Kluver Publ., 2008, vol. 2: 1991. 1120 p.
10. Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Lives of the Saints as a historical source], Moscow, Astrel: AST Publ., 2003. 395 p.
11. Klyuchevskiy V. O. Znachenie prepodobnogo Sergiya dlya russkogo naroda i gosudarstva [Meaning of St. Sergius for the Russian people and the state]. *Aforizmy i mysli ob istorii: Aforizmy. Istoricheskie portrety i ocherki. Dnevnik* [Aphorisms and thoughts about the history: Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries], Moscow, Eksmo Publ., 2007. 480 p.
12. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature], Leningrad, Nauka Publ., 1979. 352 p.
13. Loshchits Yu. Na polyakh zhitiya [On the sidelines of the Life]. *Russkiy rubezh: Po stranitsam «Literaturnoy Rossii»: Rasskazy, stikhotvoreniya, stati* [Russian Frontier: pages "Literary Russia": stories, poems, and articles], Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1991, pp. 102–115.
14. Rogachevskiy Ye. Sergiy Radonezhskiy: vzglyad iz 1991 goda [Sergius of Radonezh: A View from 1991]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review], 1992, no. 5/6, pp. 77–79.
15. Desyatnikov V. A. *Sergiy Radonezhskiy* [Sergius of Radonezh], Moscow, Patriot Publ., 1991. 541 p.
16. Gurevich A. Ya. (ed.) *Slovar srednevekovoy kultury* [Dictionary of medieval culture], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2003. 631 p.
17. Kuznetsov V. G. (ed.) *Slovar filosofskikh terminov* [Dictionary of Philosophical Terms], Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 731 p.
18. Frank S. L. *S nami Bog* [God With Us], Moscow, AST Publ., 2003. 750 p.
19. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science], Moscow, «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2009. 1248 p.